

ПРОДУКТИВНОСТЬ МОДЕЛЕЙ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ ПРИ АКТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛОВ

Т. В. Сатина

Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

Поступила в редакцию 12 января 2015 г.

Аннотация: в статье рассматриваются наиболее продуктивные модели семантических переносов, способствующих актуализации глаголом образных лексико-семантических вариантов. Синтагматические отношения глаголов в переносно-образном значении рассматриваются не в изолированном виде, а в реальных широких контекстах, позволяющих увидеть объективную картину системных отношений лексических единиц.

Ключевые слова: переносно-образное значение, безобразное значение, семантический перенос, лексическая сочетаемость, гомические глаголы.

Abstract: the article discusses the most productive models of metaphoric semantic shifts of anthropological verbs. The contextual analysis of syntagmatic relations of these verbs in their metaphoric use is presented. This allows for getting an objective picture of systemic lexical relations between the verbs.

Key words: figurative meaning, literal meaning, semantic shift, lexical collocation, anthropomorphic verbs.

Выразительность как коммуникативное качество культуры речи – это эффективность речи, ее способность воплотить индивидуальный коммуникативный замысел (М. Н. Кожина, Т. Г. Хазагеров и др.) [1; 2]. Выразительность связана с коммуникативной и эстетической функциями языка и достигается как логическим, так и эстетическим воздействием речи на адресата (В. В. Красных, М. Р. Савова и др.) [3; 4]. Метафора (употребление лексических единиц в переносно-образном значении), выполняющая коммуникативную и эстетическую функции языка благодаря своей яркой образности, выступает ведущим средством формирования и обогащения выразительности речи человека.

Глагол, отличаясь исключительной сложностью своего содержания, богатством парадигматических и синтагматических связей, имеет гибкую семантическую структуру и богатые ассоциативно-смысловые свойства, которые и определяют потенциальную возможность употребления глагола в переносно-образном значении.

В данной работе предполагается рассмотреть способности глаголов к лексическому распространению. И лексическая, и синтаксическая сочетаемость, по мнению Е. С. Скобликовой, одинаково имеют своим первоисточником сочетаемость семантическую. Формы воплощения семантической сочетаемости как на синтаксическом, так и на лексическом уровне характеризуются национальным своеобразием и нормативно-фразеологическими особенностями [5, с. 16].

Учитывая тот факт, что любой метафорический перенос обнаруживается на фоне контекста, синтагматические отношения глаголов в переносно-образном значении рассматриваются нами не в изолированном виде, а в реальных широких контекстах, позволяющих увидеть объективную картину системных отношений лексических единиц.

Материалом для исследования послужили примеры из произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Ф. И. Достоевского, А. П. Чехова, И. А. Бунина, А. И. Куприна, В. Г. Короленко, Н. Г. Помяловского, С. Н. Сергеева-Ценского, А. М. Горького, М. А. Шолохова и других писателей. Были использованы как поэтические, так и прозаические произведения писателей XIX–XX вв. самых различных литературных направлений, объединенные лишь принадлежностью к современному русскому языку. Некоторая часть примеров взята из Словаря русского языка в 4-х томах под редакцией А. П. Евгеньевой [6].

Отдельное значение многозначного глагола связано с какой-либо особенностью сочетаемости и по этой особенности отличается от другого лексико-семантического варианта того же глагола. Лексическая сочетаемость глаголов в переносно-образном значении контрастирует с сочетаемостью других безобразных лексико-семантических вариантов этого же глагола, поскольку характеризуется нестандартностью и семантическими сдвигами. Эти сдвиги рассматриваются как принципиальная норма существования глаголов в переносно-образном значении, так как в этом случае происходит реализация валентных полей глагола в безобразном значении, представленном

имплицитно, и этого же глагола в переносно-образном значении, выраженном эксплицитно. Одновременное восприятие двух ассоциативно связанных структур и служит основой создания образности.

Глагольная образность часто создается по моделям семантических переносов *человек* → *предмет и предмет* → *человек*. Под «предметом» понимаются неодушевленные субъекты, процессы и явления окружающей действительности. В этой группе глаголов образность создается за счет замены субъектов – одушевленного на неодушевленный и наоборот.

В русском языке есть глаголы, изначально одушевленные, по другой терминологии – антропоморфные (Р. П. Афанасьева) [7], или гомические (А. Л. Шарандин) [8]. Гомические глаголы выражают действия и процессы, присущие только человеку и предполагают употребление при них в роли субъекта существительного или местоимения 1-го лица. Это разнообразны по своей семантике глаголы, такие как *смеяться, плакать, млеть, роптать, дремать, шептаться, кланяться, владеть, караулить, царить, ковать, плясать, лечить* и мн. др. Естественно, что такие глаголы могут сочетаться лишь с одушевленными субъектами. Существительные же, обозначающие неодушевленные предметы или животных, с этими глаголами сочетаться не могут. В противоположность гомическим глаголы негомические, характеризующие признаки животных и предметов и функционирующие в высказываниях, где субъект выражен существительным, называющим животное или неодушевленный предмет, не могут сочетаться с субъектом, обозначающим человека.

Однако глагольная образность создается различными способами и средствами, здесь все возможно: глаголы одушевленные могут сочетаться с существительными неодушевленными, а глаголы неодушевленные – с существительными одушевленными. Н. Д. Арутюнова высказала верную мысль о том, что «снятая ограничения на сочетаемость, метафора ведет к созданию обобщенных, семантически бесцветных предикатов, способных соединяться с любым субъектом – конкретным и абстрактным, одушевленным и неодушевленным. Снося семантические барьеры, метафора в то же время снимает границы между логическими порядками» [9, с. 337].

Сравним лексические характеристики слов, с которыми сочетаются глаголы в переносно-образных и безобразных (номинативных и номинативно-производных) значениях: *мужики кланялись* (Мужики, видя такой богатый экипаж..., почтительно останавливались, снимали шапки и кланялись в пояс (Н. В. Гоголь. Иван Федорович Шпонька и его тетушка)) и *хлеба кланялись* (А в это время сизые, как от мороза, хлеба кланялись любовно Анне (С. Н. Сергеев-Ценский. Печаль полей)); *бабушка роптала*

(Бабушка иногда жалуется, что не управится с гостями, ропшет на Веру за дикость, за то, что не хочет помочь (И. А. Гончаров. Обрыв)) и *совесть роптала* (От природы не был он корыстолюбив, желание места завлекло его слишком далеко, совесть его роптала (А. С. Пушкин. Дубровский)). Как видим, лексическая дистрибуция гомических глаголов *кланяться* и *роптать* в безобразных значениях отличается от дистрибуции этих же глаголов в переносно-образных значениях. Гомические глаголы, соединяясь с существительными неодушевленными, становятся негомическими, о чем говорит отсутствие 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа, и таким образом передают образную информацию.

Говоря о том, что речевая образность как особая форма отражения действительности характеризуется высокой степенью абстрактности, можно полагать, что на абстрактность глаголов в образном значении влияет и тот фактор, с каким по значению существительным – абстрактным или конкретным – сочетается глагол. Так, если при гомических глаголах субъектная позиция должна быть выражена существительным конкретным, то при приобретении этими глаголами образной семантики место субъекта может занимать существительное абстрактное, ср.: *Дмитрий Федорович манил* (Дмитрий Федорович делал ему руками знаки, звал его и манил... Алеша тотчас подбежал к плетню (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы)) = СУЩ. конкр. + ГЛ. гомич. и *мираж манил* (Одних неодолимо влекло вперед представление о стране простора и света, других манил мираж близости этой страны... (В. Г. Короленко. Федор Бесприютный)) = СУЩ. абстр. + ГЛ. негомич. (гомич.); *мать владеет* (Мать Анны Ивановны владела прачечным заведением (Ю. Н. Либединский. Горы и люди)) = СУЩ. конкр. + ГЛ. гомич. и *ненависть владеет* (Вот вы говорите: забудь, – я понимаю это, – однако она меня тоже не может забыть. Ею владеет ненависть – почему? Потому, что она сделала шаг неосторожный... (С. Н. Сергеев-Ценский. Валя)) = СУЩ. абстр. + ГЛ. негомич. (гомич.).

Гомические глаголы, сочетаясь с абстрактными существительными, тем самым актуализируют абстрактные семы в своей семантике и проявляют такую степень абстрактности, которая не свойственна им в безобразных значениях.

При передаче образного содержания гомические глаголы могут сочетаться не только с абстрактным неодушевленным субъектом, но также и с конкретным, например: *колокол плачет* (Он мычал, сцепив зубы, но слышал, как в глубокой тишине вокруг и над ним плачет сторожевой колокол монастыря, режет воздух тонкий, тревожный свист (А. М. Горький. Случай из жизни Макара)) = СУЩ. неодуш. конкр. + ГЛ. негомич (гомич.), *сады одеваются, млеют* (Сады

уже одеваются, млеют под солнцем, а море точно северное, низкое, ледяное, заворачивает крутой зеленой волной... (И. А. Бунин. Галя Ганская) = СУЩ. неодуш. конкр. + ГЛ. негомич. (гомич.). Глаголы *плачет, одеваются, млеют* хотя и передают образное содержание, определенные впечатления, ассоциации, но высокой степенью абстрактности не характеризуются, так как сочетаются с существительными конкретными.

Достаточно продуктивной моделью создания глагольной образности является семантический перенос *предмет* → *человек*. Негомические глаголы, т.е. изначально неодушевленные, такие как *вянуть, цвести, вспыхнуть, распалиться, раскиснуть, бушевать, отчаливать, замкнуться, иссохнуть, таять, каменеть, гаснуть, кипятиться* и многие другие, в этом случае соединяются с одушевленным субъектом, актуализируя такие семантические компоненты, которые способствуют их одушевленности. Негомические глаголы, таким образом, становятся гомическими, расширяя при этом свой грамматический объем, ср.: *цветок расцвел* (Любимый папин цветок, над которым он столько возился, наконец расцвел! (Н. Г. Гарин-Михайловский. Детство Темы)) и *Надя расцвела* (Молотов думал, что отходит его молодость, а Надя в это время только что расцвела, и вот встретились эти два человека (Н. Г. Помяловский. Молотов)); *скальпель кипятится* (Скальпель есть? – Кипятится, – ответила сестра Шелагина (Н. А. Емельянова. Хирург)) и *Колька кипятится* (Тебе хорошо рассусоливать, – кипятился сутулый Колька, – у тебя хозяин вроде апостола, а доведись до мово, так он за комсомол да за договор вязы мне набок свернет!.. (М. А. Шолохов. Батраки)).

В результате актуализации семантических признаков, способствующих одушевленности этих глаголов, парадигма лица и числа, будучи дефектной, восстанавливается. Однако одушевленными эти глаголы стали как бы «на время», поскольку это не основное их значение, не основная их функция. Эксплицитная одушевленность этих глаголов осознается только на фоне их имплицитной неодушевленности. Образность так же, как и любая другая единица языка, имеет свою семантическую структуру, внутреннюю стройность – в ней всегда присутствуют два плана, два компонента, один из которых выражен эксплицитно, другой – имплицитно. В данном случае эти компоненты меняются местами: то, что было имплицитным, становится эксплицитным, а эксплицитные компоненты переходят в разряд имплицитных.

Глагольная образность часто является результатом семантического переноса *животное* → *человек*. В этой группе глаголов образность создается не за счет замены субъекта одушевленного на неодуше-

ленный, и наоборот, а за счет того, что человек по некоторым своим признакам поведения, характера, внешности уподобляется животному. Все «трансформации» здесь происходят внутри одного семантического признака – одушевленности. Сюда относятся такие зоонимические глаголы с переносно-образным значением, как *мычать, кудахтать, шипеть, фыркать, хрюкать, рывкать, рычать, выть, клевать, щетиниться, хохлиться, огрызаться* и многие другие. Конкретный характер субъектной сочетаемости меняется, но не выходит за рамки одушевленности, поэтому семантический признак одушевленности для данной группы глаголов при создании образности нерелевантен, а значима принадлежность субъекта к человеческому или животному миру, ср.: *кураца кудахтала* (Отчаянно кудахтала курица, так громко, как будто в комнате снесла яйцо (А. С. Серафимович. Две ночи)) и *мать кудахтала* (Возле нее металась и кудахтала мать, Игнатёнок весь красный, смущенно улыбаясь, тянул девку за подол (А. М. Шолохов. Поднятая целина)); *зверь фыркает* (Учитель увидел привязанного медведя, зверь начал фыркать, издали обнюхивая своего гостя (А. С. Пушкин. Дубровский)) и *жена фыркает* (Целый день жена фыркала, а тесть неутомимо издевался: – Что же, господин социал-политик, не жуеете пирог? Вы – жуйте, до победы рабочего сословия... весьма еще далеко (А. М. Горький. Мордовка)). Переходя в разряд гомических, зоонимические глаголы, естественно, восстанавливают дефектную парадигму лица и числа и осложняются в большинстве случаев возникающей экспресивностью.

Как известно, лексическая сочетаемость избирательна, возможность сочетания слов друг с другом далеко не беспредельна. Сочетаться могут только те слова, которые имеют общие семы, точки соприкосновения. Но что позволяет сочетаться лексическим единицам, не имеющим, на первый взгляд, ничего общего? Если эта нестандартная сочетаемость возникает, значит что-то объединяет эти лексемы, и, следовательно, можно говорить о наличии общих сем. Анализ конкретного материала подтверждает данную мысль. Так, глагол *мычать*, обозначающий действия животных (В комнате Раисы мычал сыщик: – Ничего... Это – пройдет... А – а, привыкнешь! (А. М. Горький. Жизнь ненужного человека)), и существительное *сыщик* имеют такие общие семы, как «одушевленность» и «способность издавать тягучие невнятные звуки»; глагол *щетиниться*, также передающий действия животных (Мантуло ощетинился, обругал Долбышева матерком, тыкая в его сторону пальцем, крикнул: – Вот он, дурочкин полюбовник. Возьми его за рупь двадцать! (М. А. Шолохов. Путь-дороженька)), и существительное *человек* могут сочетаться в контексте только в силу того, что имеют набор общих

сем – «одушевленность» и «способность сердиться, находиться в сердитом состоянии».

Если создание метафор по моделям *человек* → *предмет, предмет* → *человек и животное* → *человек* строилось на различительных признаках одушевленность/неодушевленность, человеческое существо/животное и конкретность/абстрактность, то при создании метафор по моделям *предмет* → *предмет* и *человек* → *человек* релевантным является один признак – абстрактность/конкретность субъектно-объектной позиции. Признак одушевленности/неодушевленности не играет здесь никакой роли, поскольку глаголы, не обладающие образной семантикой, но, обретая таковую, остаются в рамках все той же сферы – неодушевленной в первом случае и одушевленной – во втором. Метафорические глаголы, образованные по модели *предмет* → *предмет*, чаще всего вытесняют конкретные существительные, с которыми они сочетались до метафоризации, и присоединяют абстрактные, в результате чего абстрагируются сами, ср.: *зреют плоды и зреют думы, планы, решения, мысли, скандал; гаснет огонь и гаснет ненависть, гнев, хмель, надежда, жизнь; черствеет хлеб и черствеет душа; нахлынули волны и нахлынули воспоминания* и т.д. Например: *стог вспыхнул* = СУЩ. конкр. + ГЛ. (Зуев зажег спичку и сунул ее в солому. Стог вспыхнул багровым мрачным огнем (К. Г. Паустовский. Ночь в октябре)) и *желание вспыхнуло* = СУЩ. абстр. + ГЛ. (В нем все напряглось, натянулось, вспыхнуло яркое желание говорить, кричать о себе, но он ужасно боялся показаться смешным этой девице... (А. М. Горький. Случай из жизни Макара)); *кости тлеют* = СУЩ. конкр. + ГЛ. (Среди лесов Керженца рассеяно много одиноких могил; в них тлеют кости старцев (А. М. Горький. Трое)) и *надежда тлеет* = СУЩ. абстр. + ГЛ. (И, как всегда в такие минуты, глубоко в нем тлела смутная надежда, разгоралось ожидание чего-то иного, не похожего на окружающее (А. М. Горький. Жизнь ненужного человека)).

Те же самые закономерности наблюдаются и при создании метафор по модели *человек* → *человек*. Различие состоит в том, что здесь важны семантические характеристики объекта, поскольку в большинстве своем это глаголы объектные: *будить сына и будить страсти, чувства; питать больного и питать ненависть, уважение; копить деньги и копить силы, знания; упустить веревку и упустить случай, момент*. Например: *взвешивать самолет* = ГЛ. + СУЩ. конкр. (Когда собранный самолет взвесили, наконец, на мощных весах, Свяженинов впервые радостно улыбнулся... (В. М. Саянов. Небо и земля)) и *взвешивать обязанности, ответственность* = ГЛ. + СУЩ. абстр. (И он не делал предложения, все откладывал, к великой досаде директорши и всех наших

дам; все взвешивал предстоящие обязанности и ответственность и между тем почти каждый день гулял с Варенькой... (А. П. Чехов. Человек в футляре)); *разрушить баню* = ГЛ. + СУЩ. конкр. (И через час мы, уже вооруженные топорами и дрекольем, лихо раскачивали стропила бани, взявшись разрушить ее (А. М. Горький. Дело с застежками)) и *разрушить страх* (Я мечтал постепенно, методическим усилием, разрушить в душе ее этот постоянный страх передо мной, растолковать ей ее собственную цену и все, чем она даже выше меня (Ф. М. Достоевский. Подросток)).

Таким образом, лексическая дистрибуция глаголов *манить, владеть, плакать, одеваться, млеть, расцветать, кипятиться, мычать, кудахтать, шипеть, фыркать, хрюкать, рывкать, вспыхнуть, тлеть, черствеет, взвешивать, разрушать* и других глаголов в переносно-образных значениях по сравнению с лексической дистрибуцией этих же глаголов в безобразных значениях всегда изменяется.

Однако всегда ли происходит изменение таких семантических признаков субъекта и объекта, как одушевленность/неодушевленность, конкретность/абстрактность? Анализ показывает, что изменения семантических признаков может не происходить, наблюдаются совершенно идентичные конструкции с одним и тем же глаголом в переносно-образном и безобразном значении. Ср.: *облака тают* = СУЩ. конкр. + ГЛ. негомич. (Облака, поглотив огненный шар солнца, раскалились и таяли, в золотые, багровые реки, а из глубин их веером поднялись к зениту огромные светлые мечи... (А. М. Горький. Три дня)) и *сахар тает* = СУЩ. конкр. + ГЛ. негомич. (В столовой Зина, придвинув свечку, осторожно держит над нею сахар, который тает и желтыми прозрачными каплями падает на ложку... (Н. Г. Гарин-Михайловский. Детство Темы)); *лучи хлынули* = СУЩ. конкр. + ГЛ. негомич. (Но вот опять хлынули играющие лучи, и весело и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило (И. С. Тургенев. Бежин луг)) и *ливень хлынул* = СУЩ. конкр. + ГЛ. негомич. (Сильный удар грома потряс воздух и землю, и вслед за тем хлынул ливень (В. К. Арсеньев. В горах Сихотэ-Алиня).

Таким образом, при создании образности релевантными являются такие субъектно-объектные семантические признаки, как *человеческое существо/животное, одушевленность/неодушевленность*, а также *конкретность/абстрактность*.

Глагольная образность может быть результатом различных семантических переносов, наиболее продуктивными из которых являются следующие:

1. *Человек* → *предмет* (глаголы *гомические* → *негомические*).

2. *Предмет* → *человек* (*негомические* → *гомические*).

3. *Животное* → *человек* (*зоонимические* → *гомиические*).

4. *Предмет* → *предмет* (*негомиические* → *негомиические*).

5. *Человек* → *человек* (*гомиические* → *гомиические*).

При употреблении глаголов в переносно-образном значении объем лексических связей слова с трудом поддается измерению, так как границы словесных контактов при этом раздвигаются, лексическая сочетаемость слова увеличивается. Именно за счет употребления глагола в необычных контекстах, нарушающих существующие в языке синтагматические отношения, осуществляется постоянное развитие семантического потенциала слова. Непредсказуемость того или иного варианта сочетаемости возникает в результате потенциальной возможности лексической единицы, растягивая свой семантический объем, приобретать необычные, несвойственные данному слову переносно-образные значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кожина М. Н.* Выразительность речи / М. Н. Кожина // *Стилистический энциклопедический словарь* / под ред. А. П. Сковородникова, Г. А. Копниной. – М. : Флинта : Наука, 2006. – С. 37.

Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

Сатина Т. В., доцент кафедры иностранных языков
E-mail: sattv.75@mail.ru
Тел.: 8-964-386-51-45

2. *Хазагеров Т. Г.* Общая риторика : Курс лекций. Словарь риторических приемов / Т. Г. Хазагеров. – Ростов н/Д. : Феникс, 1999. – 317 с.

3. *Красных В. В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2001. – 270 с.

4. *Савова М. Р.* Выразительность речи / М. Р. Савова // *Педагогическое речеведение : словарь-справочник* / под ред. Т. А. Ладыженской, А. К. Михальской. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 1998. – С. 29–30.

5. *Скобликова Е. С.* Очерки по теории словосочетания и предложения / Е. С. Скобликова. – Куйбышев : Изд-во Саратов. ун-та, 1990. – 140 с.

6. *Словарь русского языка : в 4 т.* / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1984.

7. *Афанасьева Р. П.* Семантико-грамматические классы русского глагола (к проблеме взаимодействия грамматики и семантики) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. П. Афанасьева. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т им. Ленинского комсомола, 1978. – 22 с.

8. *Шарандин А. Л.* Русский глагол : комплексное описание / А. Л. Шарандин. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2009. – 586 с.

9. *Арутюнова Н. Д.* Функциональные типы языковой метафоры / Н. Д. Арутюнова // *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.* – Т. 37. – 1978. – № 4. С. 333–344.

St-Petersburg State University of Film and Television
Satina T. V., Associate Professor of the Foreign Languages Department
E-mail: sattv.75@mail.ru
Tel.: 8-964-386-51-45